

1. Александрийская поэзия : пер. с древнегреч. / сост. М. Грабарь-Пассек. – М.: Худож. лит., 1972. – С. 57–59.
2. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – С. 215.
3. Dzieła Franciszka Dyonizego Kniaznina : w 7 t. / wyd. przez F.S. Dmochowskiego. – Warszawa : Nakł. i drukiem wydawcy, 1828-1829. – Т. 2. – 1828. – S. 182–210.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ «ПРИВЫЧНОГО» СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РАССКАЗАХ Л.Н. АНДРЕЕВА

Л.Я. Глазман

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Л.Н. Андреев в своем творчестве значительное внимание уделяет самоопределению личности, ее жизненной позиции. При этом важное место в рассказах писателя занимает человек, погрязший в привычках, боящийся жизни, не способный подняться над своими мещанскими, обывательскими интересами, делающий жизненной доминантой собственный комфорт и спокойствие. Поднимаемая писателем проблема личностной ущербности подается им с самых разных ракурсов и представляет особую *актуальность*, поскольку является неотъемлемым элементом авторской концепции личности, до сих пор не нашедшей должного отклика в отечественном и зарубежном литературоведении.

Цель исследования – выявить специфику отражения «привычного» существования в рассказах Л.Н. Андреева.

Материал и методы. Материалом исследования послужили художественные тексты «малой» прозы Л.Н. Андреева, наиболее показательные с точки зрения избранной нами темы. Произведения писателя рассматривались в сравнительно-типологическом ключе.

Результаты и их обсуждение. Персонажи рассказов Л.Н. Андреева увлечены решением бытовых проблем. И это было бы вполне естественным и разумным, если бы не полная заикленность на своем обывательском комфорте. Таковы герои рассказа «Осенняя слякоть», настолько поглощенные квартирным вопросом, что перестают понимать, кто они и где находятся: «Где это я видел эту физиономию? Знакомое что-то» [1, 166] – думает внезапно главный герой о своей жене. Сумасшествие приходит даже в сны Анатолия Ивановича. Стало быть, и всю жизнь свою измеряет он комнатами и складными кроватями.

Мещанское счастье персонажей рассказа «Случай» тоже зависимо от «мебельного» уюта и практической выгоды. Александру Павловичу, как и всякому обывателю, нравятся ощущение собственной доброты и благородства. Но это продолжается только до тех пор, пока его мещанскому спокойствию ничего не угрожает. Неосторожно разбитая лампа, пусть и лишняя в интерьере, становится большей неприятностью, нежели судьба живого человека, а сам герой, позиционирующий себя как благожелательный и сознательный гражданин, на самом деле легко поддается влиянию толпы.

Такого же рода «доброта» иерусалимского купца Бен-Товита из одноименного рассказа. Связана она с выгодным обменом «старого осла на молодого и сильного» [2, 555]. Настроения персонажа вызваны настолько примитивными причинами, что сравнение с новоприобретенным животным не вызывает удивления. Однако и в этом рассказе Л.Н. Андрееву важно не просто констатировать утрату человеком чего-то определяющего его человеческую сущность, а обратить внимание на последствия этой деградации. Действие происходит в момент совершения «мировой несправедливости», казни Христа, мукам которого гротескно противопоставляет автор зубную боль персонажа. В лице Бен-Товита, хотя и не имеющего фактической причастности к казни, выступает карающая толпа, не ведающая, что наказывает, обделяя, прежде всего, себя.

Писатель не просто обличает давно всем известные пороки, но, со свойственной ему экспрессией, показывает их тупиковый путь, приводящий к обезличиванию и «механичности» существования. Потребительское отношение к жизни упрощает ее настолько, что она становится чем-то ненастоящим, призрачным, поскольку человек, стараясь под-

вести свою жизнь под рациональные основания и непонятное приписывая воле обстоятельств, не только не упрочивает свое положение, но теряет всякую опору. А потом пытается избежать всего, что выводит его из мнимого равновесия, то есть начинает бояться всех проявлений жизни. Погружение себя в «скорлупу» характерно для персонажей рассказа «*Большой шлем*», которых каждая новость, приходящая в дом, каждое непредвиденное обстоятельство выбивает из колеи, а неожиданное везение в картах может довести до удара (так умирает Масленников). При этом ничто не способно нарушить чисто практического хода мыслей персонажей.

По разным причинам человек загоняет свою жизнь в рамки, которые и защищают его от жизненных колебаний, и одновременно давят своей теснотой. Ведь и Андрей Николаевич («*У окна*»), и Петров («*Город*»), и жандарм («*На станции*») не могут полностью вытеснить из сознания тревожных мыслей, беспокойства, будоражащих их «выровненную», старательно «выглаженную» жизнь.

Не меньшую угрозу хрупкому спокойствию героев может нанести и общественное мнение, в угоду которому приносят свою жизнь герои рассказов «Оригинальный человек», «Смех», «Нет прощения». Яркий пример «масочной» жизни – отражен в последнем из них. Митрофан Васильевич Крылов потерял собственное лицо под серой, тупой, плоской маской предрассудков. Даже во время важных для него размышлений в его сознание впутываются посторонние, часто произносимые, лишённые смысла фразы, свидетельствующие об утрате индивидуальности, неспособности отвлечься от шаблонов.

Единственное, в чем персонажи, даже самые «добрые» и «безобидные», проявляют остроту ума, так это в практических делах. Подчеркнутая их доброта мирно уживается с расчетливостью. Причем меркантильный интерес часто оказывается вовсе не безобидным. Это не мешает лицемерно приписывать несчастья, смерти одних и обогащение других воле рока, обстоятельств и топтать ради вполне себе «приличной», в их искренних убеждениях, обывательской, мелкой денежной цели даже близких людей (рассказы «*Ипатов*», «*Жертва*»).

Писатель указывает на существование понятий, требующих некоей человеческой, а не механистической составляющей. Так, невозможна полноценная жизнь при формальном отношении к явлениям, связанным с верой, добром, верностью, правдой. Происходит своего рода одурачивание самого себя, временами почти сознательное. В рассказе «*Первый гонорар*» мы наблюдаем движение по пути преобразования вполне искреннего, даже немного смешного в своем идеализме Толпенникова в достойного представителя толпы бюрократов и равнодушных лицемеров. Для характеристики такого типа «шаблонного» человека и звучит разоблачающее утверждение: «...нет никакой действительности, а есть очевидность» [2, 225]. К ней и приходит главный герой, для которого первый гонорар становится одновременно первым шагом на пути к профессиональному лицемерию.

Заключение. Л.Н. Андреев затрагивает различные грани человеческого обезличивания. Это и подчинение жизни материальной выгоде, и «страх перед жизнью» [3, 2], желание «спрятаться» от трудностей, и двойственность, возникающая в результате конфликта человеческого «я» с его обывательским идеалом, и циничность, а порой бессмысленность его расчетов. Персонажи рассказов оказываются бессознательно замкнутыми в систему «дутых» идеалов, полностью подчиняя себя исключаящей все личное общественной машине. Но даже самый бездушный индивид отличен от животного или механической куклы, каким себя уподобляет. И как бы ни пытался он оградить свое существование, упростить, приспособить его, все равно, как показывает писатель, он не может разрешить для себя проблему многообразия, неоднозначности жизни, невозможности до конца предусмотреть, а тем более, рассчитать последствия своих действий.

Список литературы

1. Андреев, Л. Полное собрание сочинений: В 8 т. / Л. Андреев. – СПб.: Изд. Т-ва А.Ф.Маркса, 1913. – Т. 6. – 210 с.
2. Андреев, Л. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.Н. Андреев. – М.: Худ. лит-ра, 1990. – Т.1.: Рассказы 1898 – 1903. – 639 с.
3. Шкловский, Е. На сломе эпох: А. Куприн и Л. Андреев / Е. Шкловский // Литература. – 2001. – №11. – С.1-3.